
ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.334.2:93

ББК 60.561.2

Л 97

С.А. Ляшева,

*доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии,
г. Майкоп, тел. 89286693541*

А.А. Шаов,

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии,
г. Майкоп, тел. 8 928 474 0112*

Эволюция ростовщического капитала: историко-философское измерение

(Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются основные этапы истории эволюции ростовщического капитала в западноевропейской цивилизации. Зачатки экономических теорий в Западной Европе встречаются главным образом в сочинениях отцов церкви, богословов и правоведов — канонистов XIV-XVI вв. В них торговля признавалась только при соблюдении честности, справедливости, добросовестности и осуждении ростовщичества (отдачи денег займа под проценты.) В определенной мере церковь опиралась на образцы римского права, но изначально на долговое право и на торговое право в целом церковь влияла, прежде всего, через свое учение о справедливой цене.

В его основе стояло неучастие церкви в процессе развития рыночных отношений в Средние века. Средневековая патристика системно не регламентировала экономические воззрения в самостоятельное научное знание. Взгляды и идеи, относящиеся к экономической теории, были неотъемлемой частью системы моральной теологии. Этический аспект экономической теории оказывался самодовлеющим. И лишь к эпохе Просвещения повсеместно снимается запрет на рост капитала. Суть подобных изменений означает, что «рыночный» производитель ориентирован теперь на экономическую выгоду производства.

Ключевые слова: эконоцентризм, капитализм, традиционные ценности, религиозная идентичность, европейская культура, индивидуализм, ростовщичество, ссудный процент.

S.A. Liaoucheva,

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph. 89286693541

A.A. Shaov,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph. 8 928 474 0112

History of evolution of the usurious capital

Abstract. The paper discusses the basic stages of history of evolution of the usurious capital in the West European civilization. Rudiments of economic theories in the Western Europe are mainly encountered in compositions of fathers of church, seminary students and jurists — canonists of the 14-16th centuries. Trade in them was admitted only at observance of honesty, justice and conscientiousness and at condemnation of usury (giving money on loan under percent.). The church leaned to a certain degree on samples of the Roman Right. However, primarily the church influenced the debt right and a commercial law as a whole through the doctrine about the fair price.

A church nonparticipation in development of market relations in the Middle Ages was in its basis. Medieval patristic didn't regulate economic views in system of independent scientific knowledge. Views and the ideas concerning the economic theory were an integral part of system of moral theology. The ethical aspect of the economic theory appeared to be self-sufficing. And only in the Education epoch the ban for growth was lifted everywhere. Similar changes mean that "the market" manufacturer is focused now on a manufacture economic gain.

Keywords: economic centrism, capitalism, traditional values, religious identity, the European culture, individualism, usury, loan percent.

Исторически в экономико-хозяйствующей системе координат ссудный процент проблематизируются или получает новую интерпретацию как приоритетный атрибут различных культурных парадигм.

Так, античный мир конструировался в границах парадигмы государственного единства, дополненного религиозной интерпретацией социальной солидарности. Единство общности достигалось санкционированием божественного права, выступающего гарантом содержательности и значимости нравственных требований, гарантом единства и завершенности морально-правовых норм. У Платона религиозная мораль превышает политическую функциональность, упорядочивает космос идеей блага, придавая ему прочную онтологически-нравственную основу. «Следовать божественному закону для Платона устанавливать в соответствии с ним любые социальные, политические, а также индивидуальные порядки, все более ориентироваться в своем поведении на нравственно благого Бога» [1].

Политическая, экономическая, социальная и этическая сферы обусловлены космическим порядком, что позволяет гармонически объединить нравственность и счастье в идеи божественной справедливости. Греческий полис конституируется посредством религиозного культа и церемониала, преодолевая отчуждение не политически, а религиозно. Уже позднее в современных обществах при наличии развитого института частной собственности и тотальной индивидуации частный интерес более не идентичен общественному. Он и не стремится к подобной множественности, что стало общей отличительной чертой всей европейской

культуры и преобразило ее во всех принципах и взаимосвязях. Благодаря единому духовному перевороту, в разной форме произошедшему в культуре ведущих народов Западной Европы, утвердилось новое понимание мира и человека.

Римское правоведение зародилось как право, обусловленное религиозным культом. По естественным причинам хранителями его являлись жрецы, сам свод религиозных и правовых норм строго оберегался коллегией жрецов, и только в начале III столетия до н. э. они были впервые обнародованы. Это обстоятельство форсировало процесс выхода права из подчинения божественного провидения представителями секуляризационного правоведения, т.е. правоведения, освободившегося от религиозного влияния. Свой авторитет они приобрели постепенно, начиная с практического консультирования по различным юридическим вопросам. В ходе оказываемых многочисленных юридических экспертиз росло влияние ученых-правоведов, опиравшееся в своей юридической практике не на теологические представления, а на мировоззрение отдельных представителей общества и на процесс взаимного общения, основанного на их функциональных отношениях. Позднее, а именно в республиканский период римские юристы посвятили себя изучению греческой философии и риторики, изучению методов анализа различных понятий и их же методов синтеза, на основе которых формировались диалектические методы. Все многочисленные правовые законы, правила и решения дошли до нас уже в переработанном и значительно искаженном виде в широко известной компиляции Свода римского гражданского права (*Corpus Juris*

Civilis) или «Кодификация Юстиниана», объединяющая в себе не только императорское законодательство, но также все наиболее важные конструктивные элементы трудов известнейших римских ученых-правоведов. Уже в правовых положениях римского права, к примеру, в разделе о видах материальных претензий, судье дозволялось в соответствии с юридической формулой в спорных вопросах по долговым обязательствам назначить выплату причитавшейся истцу денежной суммы с процентами, в случае, если ответчик задержал выплату долга. По всей видимости, изначально взимание процентов с должника не имело строго установленной правовой нормы. Договор в виде *mutuum* (ссуды) представлял собой обычный способ одалживания денег или каких-либо иных вещей, предметов природного происхождения, например, вина или урожая. Лицо, бравшее в долг деньги или, как в нашем случае, вино или урожай, обязано было вернуть долг владельцу в той же сумме (если это были деньги) и того же качества (если это было вино или урожай). Первое время существовала практика, при которой должник вообще не выплачивал никаких процентов за предоставлявшуюся ему ссуду даже в том случае, если он задерживал ее возвращение [2]. Резонно здесь сослаться на знаменитое высказывание Аристотеля о бесплодности денег высказанное им в «Политике». Он писал буквально следующее: «Ростовщика ненавидят совершенно справедливо, ибо деньги у него сами стали источником дохода, а не используются для того, для чего были изобретены. Ибо возникли они для обмена товаров, а проценты делают из денег еще больше денег. Отсюда и их название (рожденные). А рожденные похожи на родителя. Но проценты — это деньги от денег, поэтому они всего противнее природе из всех родов занятий» [3]. Д. Хикс замечает, что тем не менее греки и римляне не испытывали каких-либо сомнений, назначая процент на деньги, данные займы. А. Ваджра, анализируя историю возникновения ссудного процента

в Древнем Риме, отмечает, что в данном финансовом центре огромной Римской империи, в 332 году до н. э. *Lex Gemicia* был наложен полный запрет на этот способ обогащения. Во времена кайзера Юстиниана было запрещено использовать сложные проценты, при этом нельзя было требовать проценты, если их неуплаченная сумма выросла до величины одолженного капитала. Постепенные изменения в системе правовых норм, их методов и результатов оказали огромное влияние на римское законодательство. Известно, что впоследствии римская правовая культура позволила сформироваться одной из социальных страт в Древнем Риме — «всадники», которые являлись представителями торгово-ростовщического капитала (*equites*) [4].

В своем исследовании «История экономики» М.Я. Лойберг указывает, что образование феодального хозяйства в Европе было невозможно, если бы в свое время не возникло в феодальной экономике, с его рыцарской конницей, необходимого производства тяжелого кавалерийского вооружения, которое появилось только в середине первого тысячелетия н.э., но не только это достижение античности — тяжелое вооружение переняли у Римской империи европейские народы, но и их религию — христианство. В этой связи для нас важно другое его замечание, что самосознание народа скрепляется исповедуемой им религией. Каждая конфессия располагает своей хозяйственной этикой. М.Я. Лойберг считает, что феодальная система хозяйства явилась почти универсальной для Евразии и в «этих условиях требовалось не только принуждение, но и моральное стимулирование труда. Моральный стимул давала монотеистическая религия (единобожие), в различных формах практически повсеместно господствовавшая при феодализме. В Европе — христианство, которое объявляет высшей ценностью нематериальное, а духовное богатство, внутренний мир человека: честной, правдивой и скромной жизнью, любовью к ближнему человек может заслужить вечное блаженство

души (спастись) в потустороннем мире. При стопроцентной искренней религиозности населения хозяйственная этика религиозных культов серьезно влияла на экономическую жизнь. Например, христианское запрещение иметь приплод с неживого (в том числе денежные проценты) привело к тому, что ростовщичество в Западной Европе вначале сосредоточилось в руках нехристиан, в частности, евреев» [5]. Д. Хикс подчеркивает: «христиане относились к взиманию процента, как к ростовщичеству, что считалось грехом» [6], на что указывает и А. Ваджра, приводя в доказательство перевод дословного текста греческого оригинала в Евангелии от Луки где можно прочесть: «И займы давайте, не ожидая ничего» [7], а Никейский собор, состоявшийся в 325 году от Рождества Христова, запретил всем духовным лицам взимать проценты. Наказанием преступившим запрет было немедленное лишение сана. В 1139 году Второй Латеранский собор постановил: «Кто берет проценты, должен быть отлучен от церкви и принимается обратно после строжайшего покаяния и с величайшей осторожностью. Взимателей процентов, не вставших перед смертью на Путь истины, нельзя хоронить по христианскому обычаю» [8]. Отметим, что во времена Реформации, к примеру, в исходных тезисах Мартина Лютера запрет на ростовщичество еще содержался, и в своих проповедях он много раз страстно обличал ростовщиков: «И потому ростовщик и скряга — это и правда не человек; он и грешит не по-человечески» [9], но затем, в рамках разработки новой экономической практики, он был прочно забыт. Само ростовщичество как явление имело место во все времена и его распространению пытались по-разному препятствовать. Макс Вебер, обобщая, писал: «Каноническое запрещение процента...находит себе эквивалент почти во всех этических системах мира» [10].

И лишь к эпохе Просвещения повсеместно снимается запрет на рост. М. Хазин особо акцентирует внимание на этом существенном историческом событии, когда обращает внимание на то,

что 250 лет тому назад, в XVIII веке, модель была сформулирована на базе новых ценностей, которые появились в XVI веке. Это была новая ценностная модель. На протяжении тысячи с лишним лет в Европе речь шла исключительно о библейских ценностях. В христианстве, исламе система ценностей одна и та же. И вдруг от одного из принципов — запрета на ростовщичество — отказались. Это было принципиальным изменением всей системы. И повлекло за собой появление новой. Потому что свобода в западном понимании этого слова — это право любого индивида выбирать себе те библейские запреты, которые он не хочет исполнять [11].

Зачатки экономических теорий в Западной Европе встречаются, главным образом, в сочинениях отцов церкви, богословов и правоведов — канонистов XIV-XVI вв. В них торговля признавалась только при соблюдении честности, справедливости, добросовестности и осуждении ростовщичества (отдачи денег займы под проценты.) В определенной мере церковь опиралась на образцы римского права, но изначально на долговое право и на торговое право в целом церковь влияла, прежде всего, через свое учение о справедливой цене.

В его основе стояло неучастие церкви в процессе развития рыночных отношений в средние века. Средневековая патристика системно не регламентировала экономические воззрения в самостоятельное научное знание. Взгляды и идеи, относящиеся к экономической теории, были неотъемлемой частью системы моральной теологии. Этический аспект экономической теории оказывался самодовлеющим. Эрих Фромм анализируя историю взаимоотношения индивида и общества пишет: «В средневековой теории нет места такой экономической деятельности, которая не связана с моралью» [12]. И далее со ссылкой на Тоуни, «Что экономические интересы второстепенны и должны быть подчинены подлинному делу человеческой жизни — спасению души» [13].

И. Шумпетер и другие исследователи, несмотря на все попытки отвлечься

от специфики идеологии той или иной эпохи, признавали, что для средневекового исследователя любые положения экономических воззрений были обусловлены моральной теологией. Объяснение этому факту можно найти в специфике сознания средневекового человека. Для этого надличностного сознания присущи, прежде всего, Универсальность, Символизм и Иерархичность.

П.М. Бицилли в работе «Элементы средневековой культуры» показал, насколько идеальны представления о целостности и иерархичности средневекового общества. Иерархия всего сущего представляла собой непрерывный ряд объектов неживой живой природы, человека с его социальной организацией, святых и ангелов вплоть до Бога не совпадали с постоянным брожением, перемещением, изменением в самом обществе.

Ищущий мирского богатства подвергал душу опасности. Церковная ответственность в городах вообще не включалась в торговую жизнь, и буржуазия часто жаловалась на то, что «мертвая рука церкви» парализовала торговлю [14]. Искренность в сердце и чистота помыслов преграждают путь к греху стяжательства благочестивого христианина, он не должен стремиться к богатству своим сердцем. Целью богатства никогда, конечно, не может быть само богатство; оно должно всегда рассматриваться только как средство, чтобы служить человеку и через человека Богу.

Представители канонического права и христианские богословы первоначально рассматривали богатство как удобное Богу состояние, что вовсе не означает их единодушия к проблеме обогащения. В воззрениях Св. Фомы Аквинского, который по определению Зомбарта был представителем принципиально статической точки зрения, когда социальное положение определяет размер доходов, определяя максимальный предел социальным позициям, с раз и навсегда установленной мерой богатства (*mensura di-vitae*), которой мог каждый располагать.

Но эта позиция не отвечала революционным социальным изменениям

начавшимся в XIV и XV столетиях. Перед клерикалами возникали труднейшие проблемы, ибо, проведенная в точности, она приводит к такому окончательному выводу: никто не может своими усилиями достичь более высокого общественного положения, а следовательно, разбогатеть. Христианская церковь стремится обосновать возможность изменить свой социальный статус посредством наличия незаурядных способностей, которые делают возможным перерасти свое сословное положение. Такое богатство все еще остается в границах человеческой природы, так как одаренность эквивалентна его высшему сословному положению. Все же общим считалось осуждение безграничного и беззастенчивого обогащения, игнорирующего нравственные заповеди. Церковно-нравственное учение хотело влиять не столько на размер наживы, сколько на умонаправление капиталистического предпринимателя. Чему оно хотело воспрепятствовать и, несомненно, помогло ставить препятствия — это перевертыванию всех жизненных ценностей, как это совершилось только в нашу эпоху [15].

Попытка канонистов направить набирающее силу энергичное предпринимательство в русло максимально удобное Богу делало очевидным то, почему они с таким упорством держались за каноническое учение о ростовщичестве, так как «Запрет роста» в католицизме в XV и XVI столетии основывался одновременно на учении о дозволенной наживе и учении о духовных добродетелях. Отсюда широко распространенный и нелюбимый образ скупого ростовщика в народной и церковной традиции эпохи Средневековья. В английской проповеди XIV в. провозглашалось, что Бог создал клириков, дворян и крестьян, дьявол же — бюргеров и ростовщиков [16].

Схоластическая литература находила могучую поддержку в вероучении церкви того времени и устами своих ярких представителей стремилась определить место ростовщичеству в хозяйственной жизни. Уже Фома Аквинский различает, хотя и по фор-

мальным признакам понятие капитала и понятие простой ссуды, объявляя недопустимым использование последней. Отметим, что аргументация Фомы Аквинского основана на том, что деньги трактуются как чисто общественная функция, у которой просто не может быть отдельной цены, они сами не являются для автора товаром, или даже вещью. Ростовщичество осуждается не столько за саму надбавку к цене, сколько за мошенническую торговлю тем, чего нет.

Более основательно понятие капитала развито в воззрениях Антонина Флорентийского и у Бернарда Сиенского. У них помещение капитала (*ratio capitalis*) и денежная ссуда (*ratio mutui*) ставятся в резкую и принципиальную противоположность друг другу. Они становятся на какое-то время выразителями единого церковного взгляда на проблему ростовщичества, где простой ссудный процент во всяком виде запрещен, а прибыль на капитал во всяком виде дозволена: вытекает ли она из торговых дел или из ссудного «закладного» предприятия: *dans rescuniam artificii ad materias emendas et ex artificiata taciendum*, или она извлекается из транспортного страхования, или путем участия в предприятии: *malo societatio*; или как-нибудь еще.

Действует лишь одно ограничение: капиталист должен непосредственно участвовать как в прибыли, так и в убытке предприятия. Поэтому если он не хочет рисковать своими деньгами, тогда он не должен и получать прибыли. Следовательно, и тогда, когда кто-либо дает ссуду за твердый процент на производительные цели, но не несет и эвентуального убытка, рост является недозволительным. Отсюда видно, что попытки некоторых противопоставить производительный кредит потребителю (дозволенность роста в последнем, запрещенность в первом) не отвечают духу схоластического учения о прибыли [17].

Вплоть до XVI в. взимание процентов было осуждено 17 римскими папами и 28 соборами, в том числе 6 вселенскими. В Англии в 1341 г. на

ростовщическую деятельность был наложен запрет светских властей, во Франции — в 1312 г. В 1286 г. в Пизе постановлением городской общины было запрещено ростовщикам проживать в городе, судьям — выслушивать их жалобы, а гражданам — давать им у себя приют. Статут города Вероны гласил: «...ростовщикам вход в город и его окрестности запрещается». В Голландии вплоть до 1657 г. ростовщики не допускались к причастию, т. е. церковь отделяла их от сограждан [18].

Но, к сожалению, церковь впоследствии отступила от своих принципов. Каноническое право резко осуждало всякий процент. Болонские юристы, воспользовавшись римским правом, провозгласили законность кредитных операций (денежные займы под процент), что потом признала и церковь [19].

Конечно, сам процесс ростовщического кредитования шел весьма противоречиво, христианское вероучение в лице его благочестивых приверженцев оказывало ему свое непримиримое сопротивление. Торговые сделки на основе ссудного процента к XVI в. находят все чаще свое оправдание, связанное с риском потерять весь свой капитал, что дает еще одно основание брать некоторый излишек сверх суммы долга в виде страховой премии. К географическим центрам раннего кредита присоединяются такие итальянские торговые города-государства как Неаполь, Венеция, Генуя. Схоласты вынужденно идут на уступку, допуская взимание процента, когда для заимодавца возникал риск потерять деньги или он терял возможность получить доход. Такие финансовые операции фактически приоткрыли двери для проникновения ссудного процента в «легальную» экономику. В результате церковь разрешала займы государю и государству, прибыли торговых товариществ. Даже помещение денег у банкира, которое церковь осуждала, станет разрешенным, коль скоро доходы от них скрывались под видом участия в предприятии.

Реформация в целом переосмысливает религиозную традицию, а с написа-

нием письма Кальвином о ростовщичестве в 1545 году форсируется и процесс ростовщического кредитования. В нём он писал следующее: «Следует воздать свои теологии, своего рода неприкосновенной моральной инфраструктуре и своё законам человеческим, судье, юристу, закону. Существует дозволенное законом ростовщичество среди купцов (при условии, что рост будет умеренным, порядка 5%) и ростовщичество недозволенное законом, когда оно противоречит милосердию. Господь вовсе не запрещал всякого барыша, из которого человек мог бы извлечь свою выгоду. Ибо что бы это было? Нам пришлось бы оставить всякую торговлю» [20].

Пуритане в только что сформулированной здесь проблеме вовсе не усматривают никакой проблемы, потому что они считают само собою разумеющееся, что капиталистический дух согласуется с религиозным духом, так как они в самом этом духе не думают видеть ничего субстанционального, а только функцию хозяйственной организации.

Отныне религиозному идеалу не подчинена хозяйственная жизнь, а уравнена с ним, но этому же идеалу соответствуют руководящие идеи канонического права с закрепленным взиманием процента, тем самым, уже подчинив себе хозяйственную жизнь. Запретом регулировалось лишь взимание лихвы (сверхприбыли ростовщика), *usura* (лат.) — приращение суммы долга, не находящее себе оправдания в признанных основаниях роста. Различие между законным ростом и лихвой в европейской экономической мысли было введено в начале XIV в. С тех пор законодательство не запрещало взимание процента вообще, а устанавливало лишь официальный максимум ссудного процента. Однако законодательно установленный максимум величины процента был на самом деле лишь минимумом реально взимавшегося. Естественно, что ростовщики не давали ссуду под процент, меньший официального «курса». Им это было невыгодно: спрос на деньги был велик — крупные

заемщики-феодалы не хотели лишать себя удовольствий, а возможностей обходить светские и религиозные запреты было множество. Например, деньги давались беспроцентно на заведомо короткий промежуток времени, и рост тогда считался допускаемой законами платой за понесенные убытки из-за несвоевременного возврата. Иногда в документе о якобы беспроцентном займе сразу записывалась сумма, большая фактически занимаемой; лихва, в конце концов, могла выдаваться просто как «подарок» должника кредитору и т. п.

Денежная экономика с посредническими функциями купца-капиталиста между производителем и покупателем навсегда теперь завоеует мир.

Итак, в качестве вывода, прежде следует указать, что в результате торговли аккумулировались крупные денежные капиталы. Развивалось ростовщичество. Ростовщики давали ссуды феодалам и королям, постоянно нуждавшимся в деньгах. Они ссужали деньги также мелким производителям — крестьянам и ремесленникам для уплаты денежных повинностей. Со временем крупнейшим ростовщиком станет и сама католическая церковь, дававшая ссуды под залог земли и расширявшая таким путем свои земельные владения.

Развитие торговли и ростовщичества сопровождалось ростом денежного обращения. Крупные феодалы имели право чеканки своей монеты, в XIII в. во Франции этими полномочиями владели 80 феодалов. Разнообразие монетных систем породило меняльное дело. Менялы-банкиры занимались не только разменом, но и переводом и хранением денег. Меняльное дело стало зародышем банковского кредита, банковских операций. Купеческий и ростовщический капитал были первыми формами денежного капитала. С ростом городов, развитием торговли и денежных отношений расширялись хозяйственные связи между отдельными феодальными территориями, подрывалась хозяйственная обособленность и изолированность феодального поместья.

Именно в XVIII веке увеличивается производство, по меньшей мере, в пять раз по сравнению с XVII веком, Бродель говорит о нарушении изолированности экономик, о сверх спросе и о всеобщем обмене и, заключая, пишет: «В XVIII в. все выросло вновь: деньги захватили всю Европу и даже весь мир» [21]. По мере того, как бизнес специализируется на определенной посреднической финансовой деятельности, с полным основанием можно говорить о возникновении банков. Легитимизация процента по Хиксу совпадает с возникновением первых

банков, так как их прибыль напрямую зависит от процентной ставки на кредит.

Сосуществуя параллельно, ярмарки и биржи, банки и лавки, оптовая торговля купцов-негоциантов и перекупщиков торговцев-разносчиков, менял и ростовщиков — все превращалось в огромный, безумный рынок продаж и перепродаж. К эпохе Просвещения вся Европа повсеместно вовлечена в новые формы финансов и кредита, была полностью подчинена господству банковской и биржевой жизни, чтобы быть способной изменить себя.

Примечания:

1. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М., 1998. С. 41.
2. Аннерс Э. История европейского права. URL: <http://www.twirpx.com/file/222269/>
3. Аристотель. Политика. URL: <http://www.5port.ru/aristotel/politics>
4. Аннерс Э. Указ. соч. С. 98.
5. Лойберг М.Я. История экономики. URL: <http://www.mnoogoknig.ru/bookbox>.
6. Хикс Д. Теория экономической истории. URL: <http://lovemybooks.info/tekhnika/8688-teoriya-yekonomicheskoy-istorii.html>
7. Евангелии от Луки. URL: <http://www.kodges.ru/48325-evangelie-ot-luki-kommentarij.html>
8. История ссудного процента по А. Ваджре. URL: <http://kardinal2000.livejournal.com/4930.html>
9. Маслов О. Мировой кризис и ссудный процент. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/11/ssoodpercent35/>
10. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. URL: http://www.koob.ru/weber/protestantskaya_etika
11. Маслов О. Указ. соч.
12. Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. / общ. ред. и послесл. И.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989. С. 54.
13. Там же.
14. Аннерс Э. Указ. соч.
15. Зомбарт В. Буржуа. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/11/ssoodpercent35/:http://bookz.ru/authors/zombart-verner/zombartv01.html>
16. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. URL: http://www.bookshunt.ru/b34835_istoriya_tela_v_srednie_veka.
17. Зомбарт В. Указ. соч.
18. Кулишер М. И. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887. С. 232.
19. Ведута Е.Н. Государственные экономические стратегии. М., 1998. С. 20.
20. Пасынков А.С. Феномен ростовщичества: от Вавилона до глобальной финансовой системы. URL: <http://ekvi.ucoz.ua/load/1-1-0-16>.
21. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т.2. URL: http://krotov.info/lib_sec/02_b/ro/del_29.htm

References:

1. Kozlowski P. Society and State: the inevitable dualism. M., 1998. P. 41.
2. Anners E. History of European Law. URL: <http://www.twirpx.com/file/222269/>
3. Aristotle. Politics. URL: <http://www.5port.ru/aristotel/politics>
4. Anners E. Mentioned work. P. 98.
5. Loiberg M.Ya. History of Economics. URL: <http://www.mnoogoknig.ru/bookbox>.
6. Hicks J. The theory of Economic History. URL: <http://lovemybooks.info/tekhnika/8688-teoriya-yekonomicheskoy-istorii.html>
7. The Gospel according to Luke. URL: <http://www.kodges.ru/48325-evangelie-ot-luki-kommentarij.html>

-
8. The history of the loan interest by A. Vadja. URL: <http://kardinal12000.livejournal.com/4930.html>
 9. Maslov O. The world financial crisis and the loan interest. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/11/ssoodpercent35/>
 10. Weber M. The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. URL: http://www.koob.ru/weber/protestantskaya_etika
 11. Maslov O. Mentioned work.
 12. Fromm E. Escape from Freedom: transl. from English. / Ed. and afterword by Gurevich. Moscow: Progress, 1989. P. 54.
 13. Ibidem.
 14. Anners E. Mentioned work.
 15. Sombart W. Bourgeois. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/11/ssoodpercent35/:http://bookz.ru/authors/zombart-verner/zombartv01.html>.
 16. Le Goff J., Tryuon H. History of the body in the Middle Ages. URL / / www.bookshunt.ru/b34835_istoriya_tela_v_srednie_veka.
 17. Sombart W. Mentioned work.
 18. Kulisher M.I. Essays on comparative ethnography and culture. St. Petersburg., 1887. P. 232.
 19. Veduta E.N. State economic strategies. M., 1998. P. 20.
 20. Pasyukov A.S. The phenomenon of usury: since Babylon to the global financial system. URL: <http://ekvi.ucoz.ua/load/1-1-0-16>.
 21. Braudel F. Material civilization, economics and capitalism. V.2. URL: http://krotov.info/lib_sec/02_b/ro/del_29.htm